

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 22 de octubre de 1959

Буэнос Айрес, четверг 22 октября 1959 года № 508

Алексей Ростов

Венский фестиваль молодежи

В качестве журналиста я посетил 7-ой Международный Фестиваль молодежи и студентов, организованный в Вене по заданию ЦК компартии Советского Союза и длившийся с 26-го июля по 4-ое августа 1959 года.

Организация фестиваля была поручена иностранным коммунистам: австрийцам, итальянцам, американцам, а советские устроители сами старались держаться в тени по целому ряду причин: 1. именно в Австрии, пережившей гнет тяжелой грабительской советской военной оккупации в продолжении 11 лет (1944-55), советские коммунисты пользуются исключительной ненавистью широких кругов населения, особенно среди выросшей в нужде, в период оккупации, молодежи;

2. для маскировки казенного характера фестиваля, устроенного и руководимого из-за кулис советскими руководящими партработниками, на парадные председательские роли выпущены были или иностранные коммунисты или идущие у них на поводу левые социалисты; в этом отношении лучший кадр дает итальянская социалистическая партия, руководимая Пьетро Ненни и лидером ее левого крыла Туллио Веккети; из ее рядов был избран для руководства фестивалем председатель организационного комитета лидер итальянской социалистической молодежи Лоренцо Бальзамо; членами итальянской компартии являются председатель международного Союза Студентов Бруно Бернини и председатель международного спортивного союза Бонти — две коммунистические международные организации, фактически орудия иностранного Отдела ЦК компартии, руководимого Бор. Ник. Пономаревым;

3. псевдо-демократический характер фестиваля и маскировка советского руководства несомненно обманули всяких либеральных и радикальных западных юношей и девушек, которые рады были принять участие в этом, якобы, аполитичном съезде миролюбивой молодежи; недаром коммунистическая печать усердно подчеркивала участие в фестивале отдельных католиков и протестантов, либералов и свободомыслящих, которых с коммунистами на этом фестивале объединяли лозунги мира и дружбы.

Однако, из бесед с советскими и иностранными делегатами и журналистами, мне нетрудно было установить действительных главарей этого большевистского пацифистского маскарада: это были новый и еще малоопытный 1-й секретарь ЦК советского комсомола Сергей Петрович Павлов и разыгрывающий роль партийного кронпринца (как я заметил моим австрийским коллегам, нашедшим кличку для него подходящей) зять Хрущева редактор “Известий” Аджубей, вскоре затем сопровождавший тестя со всей семьей в Соед. Штаты. Недаром их принял в особой аудиенции австрийский канцлер Рааб вместе с официальным главой советской делегации завед. иностранной секцией ЦК комсомола многоопытным по долгой службе на этом посту Сергеем Константиновичем Романовским.

Открылся фестиваль парадным зрелищем на большом спортивном стадионе в парке Пратер. Сначала выскочили на арену стадиона 120 мотоциклистов, затем начался длинный марш делегаций в порядке латинского алфавита; из делегаций самыми многочисленными были советская, итальянская, французская по

800 человек, иракская и Соед. Штатов по 600 чел.; другие по 200-300, некоторые по 10-20 человек; должен сразу же оговориться, что в “делегации”, проходившие перед нами, были включены не только делегаты в собственном смысле слова, но и привезенные труппы артистов, музыканты нанятых оркестров, танцовщицы и балерины, спортсмены, гимнасты, фокусники, которые были наняты и привезены в Вену для увеселения делегатов и показа своих профессиональных талантов; затем надо отметить, что итальянцы потом сами признались, что привезли из Болоньи 200 комсомольцев и комсомолок для участия в шествии, а на другой день отослали их домой, чтоб не тратиться на их 10-дневное пребывание в Вене; советфильское правительство Кассема прислало из Ирака просто роту одетых в военную форму солдат, которые печатали шаг по арене и на другой день укатили домой, оставив небольшую группу пропагандистов для антизападных выступлений. Американская делегация сразу забилась на две группы: просоветскую во главе с евреем Гарсна (“Нью-Йоркцы”) и антисоветскую (“Чикагцы”); обе группы, по 300 человек каждая подрались в помещении своей делегации и обвиняли друг друга в самозванстве, мошенничестве и расхищении взносов на содержание делегации. По приказу Павлова и Аджубея организационный комитет признавал лишь группу Гарсна, но “чикагцы” везде шумливо выступали и портили немало крови коммунистам. Австрийское студенчество бойкотировало фестиваль, устроило враждебные демонстрации, а западногерманские студенты, с некоторыми из которых я успел подружиться, наоборот явились совершенно официально на фестиваль и приняли в нем самое активное участие, срывая всякие коммунистические мажоры, празднества, диспуты и “встречи”. Но, вернусь к описанию открытия фестиваля.

После шествия делегации выступили “представители 5 континентов”: кубанец Белдомеро Альварес прочел по-испански приветствие от обеих Америк, индонезец Магоно — по-английски произнес речь от имени народов Азии, австралийский коммунист Рост Калио — по-английски от Австралии, алжирец Али Покер ругал “французских угнетателей” на безупречном французском языке и, наконец, Сергей Романовский по-русски приветствовал собравшихся от имени Европы и прочел телеграмму Хрущева. Слово им давал Бальзамо по-итальянски, после них выступили от имени австрийских властей замест. госуд. секретаря Халупки и вице-бюргермейстер Вены Славек — по-немецки; все предыдущие речи переводились на немецкий язык, часто, как я заметил, довольно неточно; но все это разнообразие языков создавало впечатление не то Вавилонского столпотворения, не то конгресса Коминтерна.

Из всех ораторов лучше всех говорил Славек: он приветствовал гостей, заявил, что Австрия широко раскрывает свои границы, ибо ей нечего стыдиться и скрывать от иностранцев; что она сама пережила режим диктатуры и знает, что это значит; гости из многих делегаций увидят в Австрии то, чего они на родине не видели; свободу всех политических партий, включая коммунистическую, которая участвует во всех парламентских выборах (он из вежливости умолчал о том, что ни один

из ее кандидатов в парламент не прошел!), свободу печати и человеческой личности: каждый может верить и молиться, как хочет, заниматься любым видом труда, включая частную торговлю и промыслы, жить и учиться где захочет и чему захочет. К сожалению, эта речь не была переведена на иностранные языки и мы не смогли добиться, чтобы нам дали для печати ее официальный перевод. Мы ежедневно получали в бюро печати переводы всех речей и тезисы докладов на языках: русском, французском, испанском, английском и немецком; только речи Славка и телеграммы маршала Тито на немецком языке, якобы, не успели за 10 дней перевести на другие языки.

Затем началась концертная часть праздника: аргентинцы исполнили танец “Бола-Бола”, 80 советских танцоров исполнили “Березку”, китайцы в наступившей темноте исполнили эффектный танец двух огненных драконов: носимые 20-ю парами танцоров на шестах, увенчанных красными электрическими лампочками два огромных картонных дракона сходились и расходились, отбивая и атакуя друг друга. Наконец, 1.200 чешских спортсменов исполнили сокольские упражнения, слагая буквы “Мир” и “Дружба”, “Фриден” и “Фрейндшафт”.

На второй день состоялась советская прессконференция. До нее я беседовал с ее фактическим распорядителем, толстым товарищем Непомнящим, который сообщил мне, что Аджубей не выступит, ибо он уже не редактор “Комсомольской Правды”; вместо него выступил Юрий Воронов, его преемник на этом посту.

Конференция ознаменовалась двумя инцидентами: представитель Британского Библиейского Общества спросил: почему не позволяют раздавать советским делегатам Библию на русском языке. Воронов сначала сказал, что Библия издана в СССР и потому они могут купить ее дома. На замечание, почему же тогда нельзя им ее подарить Воронов ответил, что хотя он этим не интересовался, но ругается, что все приехавшие на конгресс советчики — атеисты и Библией не интересуются. Еще глупее был его ответ представителю БиБиСи, в котором он отрицал глушение иностранных радио-передач; когда ему возразили, что сам Хрущев в беседе с представителем “Фигаро” признал факт глушения, тогда он, смутившись, заявил, что передачи иногда глушат по требованию рабочих и колхозников. Чтоб выручить Воронова, шустрая делегатка — звеньевая кукурузной бригады Галина Ильиченко заявила, что колхозники требуют глушения передач, ибо в них уверяют, что колхозники насильно замуж выдают. “Это неправда, я пойду замуж только по любви” — закончила она при смехе и одобрении коммунистов и журналистов; на вопрос: почему она боится таких глупых и неправдоподобных передач, Ильиченко обвинила “Голос Америки” в том, что он говорит, что колхозники плохо одеваются; “послушав такую передачу, какой-нибудь болгарин не женится на украинской колхознице!” Снова смех и вопрос был замят, словно поверили, что болгарин поехал бы на Украину искать невесту, если бы иностранные радио не критиковали туалеты колхозниц. Я еще не раз встречал Ильиченку, но она уже не была одета в украинский костюм, как на прессконференции, а в хорошее венское платье; вот такие лъстецы и ловкие защитники коммунизма делают у Хрущева карьеру!

Прямо с прессконференции я поехал в Раймундтеатр на вечер Ленинград-

Народно-Монархическое Движение в “восстановлении Монархии” видит не только “восстановление Монарха”, но и восстановление целой “системы учреждений” — от Всероссийского Престола до сельского схода. Той “системы”, где Царю принадлежала бы “сила власти”, а народу “сила мнения”. Это не может быть достигнуто никакими “писаными законами”, никакой “конституцией”, — ибо и писанные законы и конституции люди соблюдают только до тех пор, пока у них не хватает сил, чтобы их НЕ соблюдать.

“Народная Монархия” ч. I.

Ив. Солоневич

ского балета, где приятно было видеть искусство молодых балерин Аллы Осипенко, Ирины Колпаковой, Ольги Заготкиной, Татьяны Легат (приходящей из славной семьи, известной в эпоху Императорского балета), Нины Гуркапкиной, Габриэлы Комлевой и их партнеров Олега Соколова, Игоря Чернышева, Сергея Вакулова, Бориса Сапогова. Вся программа была составлена из произведений классического балета без какой-либо большевистской погони. Большевиком не создан ничего достойного показа иностранцам в области балета; поэтому мы смотрели отрывки из “Лебединого Озера” и “Снегурочки”, Гавот Люлли, “Апрель” Рахманинова, “Охотник и птица” Грига, 7-ой вальс Шопена, другой вальс Штрауса.

На другой день, 28-го июля, в Концертхаузе состоялся торжественный советский концерт, программа которого была умно составлена режиссером Юсифом Тумановым и Петром Васильевым, исключившим всякую советскую пропаганду, которая испортила бы спектакль.

В парадной аванложе сидел австрийский канцлер Юлиус Рааб между советским послом Сергеем Георгиевичем Лапиным и его супругой; напротив в ложе справа сидели Аджубей, Павлов, Романовский. В дугих ложах сидели артисты из жюри: Барсова, композитор Арам Хачатурян; поэты Лев Ошанин, Евгений Долматовский, Василий Матусовский, академики Ал. Ив. Опарин (сделавший 30-го июля антирелигиозный доклад о происхождении жизни на земле), Виноградов и Благоданов, масса советских журналистов; словом “сливки” советской делегации.

Концерт открылся “Праздничной увертюрой” Дм. Шостаковича, в исполнении московского симфонического оркестра; затем хор из 80 свердловских студентов аккомпанировал, повторяя припев, солистам Ник. Кондратьюку из Свердловского оперного театра, исполнившему “Подмосковные вечера” и Николаю Анисимову, — “Марш советской молодежи”. Оба солиста были нам представлены, как, якобы, студенты, но в беседах с хористами я выяснил, что это верно лишь в отношении молодого тенора Анисимова, но не баса Кондратьюка. Прекрасно исполнила 19-летняя московская балерина Екатерина Максимова с партнером Владимиром Васильевым Pas de deux Асафьева; арию Варяжского гостя пропел ленинградец Борис Штоколов, снова увидел я выступавших накануне ленинградцев: Осипенко, Грибова, Колпакову, Бориса Бреговдзе, Ирину Генслер и Александра Сапогова; вальс Чайковского сыграл московский пианист Владимир Малинин, прекрасно пела арию из “Трубадура” Верди киевлянка — колотатурное сопрано, Зоя Христинич.

Во втором отделении выступал Воронежский народный хор в сто с лиш-

ком человек, с некоторыми из которых мне удалось побеседовать в следующие дни; они исполнили песню "Как у нас под Воронежом"; их балетная группа сплясала свадебную молодежную; затем выступило трюо милых украинских бандуристок — Элеонора Филипенко, Людмила Лисановская и Валентина Пархоменко, — имевшее большой успех. Слабее были выступления национальных ансамблей: узбекского, грузинского, украинского, башкирского и литовского; с грустью смотрел я на "молодежную пляску" ансамбля Свердловской школы трудовых резервов, думая о тяжелом режиме этой школы. В следующие дни мне подтвердили некоторые из этих подростков, что и сейчас в эти школы берут по разверстке мужскую молодежь из каждой области; держат на казарменном режиме и обучают профессиям шахтеров, железнодорожных рабочих по ремонту путей и подвижного состава, бетонщиков, штукатуров, каменщиков; половина учебного дня проходит на работах по специальности, затем они должны за год учения отрабатывать три года на том предприятии, куда пошлют; эти юноши, запертые в общежитие на ул. Малышева в Свердловске, чувствуют себя заключенными и недовольны режимом, как и во всех школах трудовых резервов; на преданность режиму вышедших оттуда рабочих большевики не могут рассчитывать; таково мнение даже тех плясунов, которых для рекламы привезли в Вену. Их было столько, что собеседников моих не смогут устанавить!

В финале на сцену вышли все артисты и хористы, балетные пары и пианисты; солисты Кондратюк, Зоя Христинич, Борис Штоколов и Анисимов запели, а весь ансамбль хором повторял припев гимна демократической молодежи Новикова на текст сидевшего в зале 60-летнего "комсомольского" поэта Льва Ошанина. При этом произошел забавный инцидент: увидев всех артистов на сцене и услышав вступительные слова гимна:

"Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.

В эти грозные годы

Мы за счастье бороться идем!"

австрийский канцлер решил, что это какой-нибудь новый гимн и вытянулся, стоя и держа руки по швам; вскочили советский посол с толстой супругой, все гости и пришлось из уважения к канцлеру и нам встать, пока 200 с лишком голосов распевали припев:

"Песню дружбы запевае молодежь,
Нашу песню не задушишь, не убьешь,
Нам молодым вторит песни той
Весь шар земной!"

Супруга посла Лапина начала отбивать в ладоши такт и вся коммунистическая часть зала начала бить в ладоши в такт словам: "не задушишь, не убьешь!" Затем артисты сошли со сцены и прошли между рядами партера, повторяя в такт хором "Фриден", "Фрейндшафт".

**

Давая оценку фестивалю, должен признать несомненный успех наших артистов, причем спешу подчеркнуть, что в этом нет никакой заслуги режима; талантливый музыкальный народ издревле выдвигал замечательных певцов, музыкантов, создал замечательные народные пляски, затем славный Императорский балет; наоборот поражением большевизма я считаю то, что он может козырять на Западе лишь произведениями Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова и умершего в эмиграции Рахманинова; режиссеры поняли, что сорвать аплодисменты в Вене можно не похабными комсомольскими песнями, не безбожными положенными на музыку гадостям Демьяна Бедного или Василия Князева, даже не отрывками из современных советских опер, как "Тихий Дон", "Богдан Хмельницкий" или "Декабристы", а только или народными песнями или произведениями Императорской России; лишь концерты, песни, пляски, выступления в советском павильоне упомянутых бандуристок, или акробатов-близнецов Бориса и Петра Ворониных, или голосистых воронежцев привлекали туда журналистов и иностранных делегатов. Читатели должны понять, что восхищенные пеннем Зои Христинич или талантливого Кондратюка не похвала и не капитуляция перед режимом. Ленин всегда восхвалял за границей голос Ф. И. Шляпина и Н. Н. Фигнера, что не смягчало его вражды к монархии, при которой они стали солистами Его Величества.

Беседы с различными артистами, хористами и другими представителями искусства позволили мне сделать следующие важные заключения:

1. Все без исключения беседовавшие со мной спешили подчеркнуть, что они не являются делегатами, не представляют собой ни партии, ни комсомола, ни профсоюзов, а приглашены правительством на работу по специальности: музыке, пению, танцам, гимнастическим выступлениям; другие говорили что приехали для обслуживания фестиваля: механики, электрики, водители советских пулеманов; словом, для них это служебная командировка, а не представительство своего политического режима!

2. В разговорах небольшими группами они проявляли интерес к Западу и

его не критиковали; мне известно, что австрийские студенты с успехом распространяли среди них антисоветский бюллетень "Венские Новости" на русском языке; мне известны случаи, когда они брали украдкой библию, или карманное издание "Доктора Живаго" Б. Л. Пастернака, или произведения нашей эмигрантской литературы; ни у кого из них не замечалось враждебности к западной культуре и образу жизни.

3. Они отлично знали своих наблюдателей и агентов государ. безопасности и смолкали или переводили разговор на другую тему, при их приближении.

4. Никто из этой милой молодежи не хвалил жизнь в СССР; студенты жаловались на скученность в студенческих общежитиях; многие говорили о жилищном кризисе в таких городах, как Свердловск и Воронеж; все подчеркивали, что русский народ не хочет новой войны; русские не очень дружили с делегатами стран-сателлитов, а больше стремились к беседам с австрийцами, немцами (западными), итальянцами. Любопытен случай, происшедший при мне, когда студенты хотели разговаривать с немецким студентом, но отошли от него с разочарованием, узнав, что он "наш", т. е. из Восточной Германии; потому и поговорить с ним уже неинтересно.

5. Рядовые русские люди, не работавшие официальными "докладчиками"-пропагандистами, часто стыдились поведения советских чекистов, прерывавших их разговоры. Раз, при мне, вечером, к советскому павильону подошла группа американцев-студентов Иальского университета, хорошо говоривших по-русски; они заговорили со студентами из Свердловска и рассказывали, что в Америке студенты свободно выбирают факультет, что их не посылают летом обрабатывать прерии и без них собирают урожай; они звали русских приехать посмотреть жизнь в Америке; один ответил: "Меня к вам не пустят; коммунистам паспортов на въезд у вас не дают". — "Нет", — сказал американец, — "ты еще комсомолец; тебя к нам пустят; поживешь и не станешь из комсомола в партию переходить!"

К ним подошли девушки и стали спрашивать про женскую долю в Америке; но тут вмешался один из чекистов, дежуривших при павильоне, Махотенко, и грубо спросил: "Что ты пристаешь к нашим девушкам? лучше пусть они споют песни; а ты послушай и не мешай им петь". Надо сказать, что в советском павильоне при появлении иностранцев сейчас же организаторы во главе с чекистом, выступавшим под личиной аспиранта Горьковского университета Леном Вячеславовичем Ка-

ринским (его родители назвали Леном в честь Ленина, как он говорил), всегда затевали пляски или пение, или выступления неутомимых акробатов, братьев Ворониных, или танцоров, братьев Колосок, чтоб отвлечь гостей от серьезных разговоров.

"С удовольствием послушаем вас пение, девушки", — сказал один из трех американцев, — "а хотите сами споем вам русские песни", — подмигнул он товарищам-студентам.

"Какие же вы в Америке знаете русские песни?" — спросила миловидная свердловская студентка с удивлением.

"Ну хотя бы про 12 разбойников и про их атамана", — сказал американец.

"Ну спойте нам", — заинтересовались девушки, — "мы такой русской песни не знаем!"

Три ильских студента запели свежими голосами без иностранного акцента:

"Господу Богу помолимся!

Древнюю быль возвестим:

Так в Соловках нам рассказывал

Инок честной Питирим..."

"Что вы нашим девушкам поповские песни про Господа Бога распеваете?" — прервал их с негодованием Лен Каринский, — "если не хотите наши песни слушать, то уходите отсюда без всяких провокаций!"

"Мы уйдем, коль вы девушкам не позволяете хорошие русские песни слушать. Но вам бы надо знать, что это слова вашего русского поэта Некрасова; а при нем, в Соловках действительно был монастырь, а не концлагерь!"

Каринский злобно посмотрел на рассмеявшихся американцев и закусивших губы, чтоб не расхохотаться студенток; думаю, что он бы бросился на американца, если бы не было рядом меня и еще другого журналиста, впрочем не понимавшего этого русского диалога.

Мне вспоминается милая студентка, которая вечером, встретясь со мной на полпути между советским павильоном и выходом из огороженной части территории фестиваля, говорила мне о красотах уральского пейзажа и грустно добавила: "Понимаю отлично, почему вы сейчас не можете вернуться в Россию; но это же не всегда так будет и вы еще поработаете на родной земле!" и у меня окрепла надежда, что при такой молодежи мы сможем вернуться на его освобожденную от рабства родину.

6. Неуклюжие полицейские мероприятия, ограничивавшие общение советской молодежи со свободной западной молодежью, хотя бы либеральной, социалистической или католической, а наипаче с эмигрантами, лишь частично достигали цели; но зато производили отвратительное впечатление на иност-

Борис Башилов

14

XVIII

КТО ВРАГ?

П о в е с т ь

— А куда идут части РОНА?

— Пойдут через партизанские районы на Белосток.

— Пробьются ли?

— Другой дороги нет. Железные дороги все уже перерезаны большевиками.

Как только Никифоров ушел, Николаев надел гимнастерку и пошел к Гофману. Когда он передал Гофману то, что он узнал от Никифорова, Гофман спокойно проговорил:

— Сведения верные. Мне только что позвонили из комендатуры, что передовые части Красной армии уже прошли Вильно. Комендатура уже грузится на автомашины. Хотят доехать до станции Лида, с которой идет последний поезд в Польшу.

— Но мы не успеем добраться до Лиды. На всех не хватит автомобилей. Да и бензина хватит не больше, как на двести километров.

— Мы пойдем пешком на Белосток, — сказал Гофман. Гофман говорил спокойно, ничем не выдавая своего волнения и Николаев почувствовал к нему еще большее уважение, — сообщите всем, что через час мы выступаем. Батальоном командовать будете вы.

— Почему?

— Потому, что так будет лучше. Нас бросили на произвол судьбы. Батальон предоставлен сам себе. Я не уверен, что мы доберемся до Белостока. Как всегда, дотянули до последнего момента. Все офицеры и солдаты в батальоне русские, только я — немец. Я считаю, что будет лучше, если в такое время во главе русских добровольцев будет стоять русский офицер. Постройте батальон и прочтите этот приказ. В нем я объявляю, что ввиду усилившихся сердечных припадков я передаю командование вам...

Путь от Малых Буд до лесной речки, около которой батальон встретился, наконец, с частями РОНА, занял восемь дней. За эти восемь дней, днем и ночью, добровольцы прошли около трехсот километров, имея одиннадцать стычек с партизанскими отрядами. Во время боев с партизанами батальон потерял восемьдесят человек убитыми и пятьдесят шесть ранеными, которых пришлось пристрелять. Никто из раненых добровольцев не хотел попадаться живыми в руки партизан.

Сначала батальон шел прямо на Дятлово, но потом Николаев получил сведения, что все части Русской Отдельной Народной Армии уже покинули Дятлово и отступают по лесным дорогам в Польшу.

Положение складывалось — хуже некуда. Повернув на юго-восток, Николаев повел измученных, изголодавшихся добровольцев вслед за РОНА, которая находилась всего в двух-трех днях пути впереди них. Каких-нибудь шестьдесят-семьдесят километров отделяло батальон от двенадцати тысяч вооруженных антибольшевиков. Но пройти эти семьдесят верст было не так-то просто.

В первый же день, когда батальон повернул на юго-восток, перед вечером, партизаны подожгли лес по обеим сторонам дороги. С большим трудом удалось пройти вдоль лесного ручья к узкой лесной речке, оставив сзади пылающий лес. Мост на лесной речке был взорван и пришлось переплываться вплавь отстреливаясь от партизан.

Николаев разделил оставшихся в живых на две группы и пока первая переплывала через реку, вторая отстреливалась от наступающих партизан. Потом начали отстреливаться переплывавшие, а прикрывавшие их отход, начали переплывать под огнем партизан речку, не очень широкую, но с сильным быстрым течением.

На следующий день остаткам батальона пришлось выдержать семь атак со стороны партизан, которые судя по всему, тоже двигались на запад. Николаев подумал, что, наверное, и отряд

"Седого" тоже двинулся на запад, внезапно покинул свой лагерь.

На третий день Филин, ходивший на рассвете и сообщил, что роякая река, поперек которой на восточном берегу вешался старый каменный мосту ведут две дороги, одна — лесная, другая — шоссе, они, и шоссе.

Филин сообщил, что, подойдя к стороне речки они заметили, что в воде не было видно, было темнота, точки папирос. Они подползли к реке и увидели, что это были партизаны. О чем говорил Филин, он не сообщил. Отряд ли РОНА или партизаны.

— Засели мы в кустах, стали грызть кусок сухаря. — Топот коня обоз подвез, подвод коня запряжено. На телегах стояли пулеметы на телегах стояли пулеметы. На телегах вместе с солдатами лежали пулеметы. Шум, гам, бабы кричат, ребятишки плачут. Чего понять нельзя. Только обоз другой берег, глядим, какая-то подводка подъехала. Подводка семьдесят человек, что это за компания. Ежели винтовок стеганут. Только дали команду, мы с Макеевым не разобрали. Чего сказать, ничего не поймешь.

— Говори, Филин, толком.

Николаев. — Не такое время, да я не валяю, господские крошки с ладони ответил такие. Да и Макеев тоже ни слова не сказал. Свет обжегал.

— Опять придуришься.

— Как немецкий обоз подвез, соскочил с телеги, стал с сол-

С. Л. Войцеховский

Письма из Нью-Йорка 18.

“Этот обычай человекоубийства объясняет, почему столь многие американцы смотрят на Россию с подозрением и беспокойством”.

(Из статьи Дрю Пирсона, “The Evening Bulletin” от 29-го сентября 1959 года).

“Мы сменяем руководителей нашего правительства каждые четыре года, или каждые восемь лет, но люди, покидающие правительство, могут жить совершенно счастливо и их не расстреливают. Кажется, Россия ныне восприняла эту систему мирных перемен”.

(Из той же статьи).

Поездка Хрущева в Соединенные Штаты — дерево с несозревшими плодами. Многие из них не созреют никогда и это, кажется, понятно каждому. Другие, если достигнут зрелости, могут оказаться ядовитыми. Первый горький плод этой поездки уже упал в Америке — она породила колебания в отношении некоторых американцев к коммунизму, она развязала языки притихшим было, в последние годы, всевозможным соглашателям. Она — кроме того — создала новый букет неверных или ложных слов о положении России и, попутно, о русском прошлом. Кажется, еще никогда американские газеты не были наводнены таким потоком писем, авторы которых домогаются “справедливого” и “беспристрастного” суждения о коммунизме и порицают тех, кто, по их мнению, был “недостаточно вежлив” с Хрущевым.

Эти жалобы на “нарушение американского гостеприимства”, не советским гостем, а отдельными американцами, даже на “грубое обращение с гостем нашего народа” раздаются, не-

ранных журналистов и на западную, даже прокоммунистическую молодежь, которая называла свои общезития на территории Мессегеленде (обширное пространство с выставочными павильонами около Пратера) “нашим концлагерем”; они возмущались грубостью внутренней охраны, состоявшей из австрийских и венгерских коммунистов, не выпускавшей делегатов вечером за ограду этого лагеря, проверявшей их посетителей. На прессконференции мы требовали, чтоб нам указали ответственные для делегатов в городе помещения, для их посещения; но нам отказали под предлогом, что мы будем беспокоить делегатов, которые у себя хотят отдыхать, а не принимать журналистов; нам не давали билетов на разные диспуты идеологического характера под предлогом, что помещения рассчитано на 300 человек, а делегатов на фестивале 14 тысяч и нас, журналистов, около полторы тысяч; поэтому лучше нам смотреть спортивные состязания, гребли и гонки, чем рассчитывать попасть на диспут в помещении клуба или кино, для этого арендованного.

Несмотря на все рогатки мы проникали всякими хитростями туда, где нас не ждали, узнавали больше, чем хотели Аджубей и Павлов, а главное дали возможность нашим землякам гораздо больше узнать о Западе, чем это входило в расчеты чекистов и их западной “вспомогательной полиции”, в лице внутренней охраны Мессегеленде. Не один из талантливых представителей советской молодежи в разных отраслях искусства унес о Вене воспоминание, как о свободном городе, сумевшем быстро оправиться от причиненных войной и советской оккупацией разрушений, благодаря не стесненному коммунизмом труду своих жителей; они будут помнить также о русских людях, не забывших в изгнании своей родины и работающих по мере сил и разумения над сближением с подъяремными соотечественниками, с которыми вместе все мы вернем Россию на ее славный исторический путь.

Алексей Ростов

смотря на то, что в последние дни поездки Хрущева по Соединенным Штатам, он не было окружен тем холодом, которым его встретили Вашингтон и Нью-Йорк. После “бестактной” — по мнению Хрущева — встречи, устроенной ему в Лос-Анжелесе, после угрозы Хрущева прервать поездку и вернуться в Москву, не поговорив с Эйзенхауэром, устроители поездки сделали все, что смогли, для успокоения оскорбленного путешественника. В Сан-Франциско и в Питсбурге Хрущев, поэтому, услышал и аплодисменты и дружелюбные возгласы. Постарались те, кто ныне, после его отъезда, продолжает упрекать американский народ в недостаточном гостеприимстве. Ветры из всех соглашательских щелей пытаются окончательно растопить “лед Холодной войны”.

Часть американских газет поддается этому напору и тешит взор своих читателей миражем светлых перемен, не только отличающих — как она утверждает — гуманную власть Хрущева от кровавой диктатуры Сталина, но даже приближающих советский строй к американской демократии.

Попутно — как водится — поносятся русские монархи. Американцам говорят, что, как бы ни был плох Хрущев, он лучше и гуманнее не только Сталина, но и всех Царей и Императоров, когда-либо правивших Россией.

*

Как на образчик этих “просвещенных” мыслей, можно сослаться на статью известного вашингтонского радио-комментатора Дрю Пирсона, одновременно напечатанную очень многими газетами.

В молодости, Пирсон был корреспондентом американской печати в России. Он побывал в Сибири и на Дальнем Востоке и разговаривал там с расстрелянным впоследствии Уборевичем. Он вспомнил теперь эту встречу, чтобы рассказать, как жестоко Сталин расправлялся со своими генералами. Это воспоминание позволило Пирсону очернить генералов царских. В Красной армии, — вспоминает Пирсон, — старшие командиры внешне ничем не отличались от рядовых красноармейцев. Это отсутствие внешних различий установлено было потому, что тогда “еще были живы горькие воспоминания войны, когда царские генералы дезертировали с поля битвы, бросив своих людей на произвол судьбы”.

Впрочем, Цари, — как пишет Пирсон, — расправлялись с генералами немилосердно. “Старшие командиры Красной армии, — сказано в его статье, — были расстреляны потому, что Сталин, правивший Россией, относился подозрительно к каждому, в чьих руках было слишком много власти. Поэтому он их расстреливал, часто без суда. Это было тем, что до него делали Цари и Сталин только продолжал делать то же самое”.

После этой бессудности и кровопролития в России наступило, наконец, — говорит Пирсон, — счастливое время. “В составе русского правительства были перемены, но люди, отстраненные от должностей, попрежнему живы и получили другое занятие”. Это кажется ему похожим на обычай Соединенных Штатов, а это сходство, укрепившись, “может стать началом новой дружбы американского и русского народа”.

*

Дружба двух великих народов действительно, могла бы стать залогом ми-

Г. Месняев

Достоевский и Победоносцев

Восемьдесят лет тому назад, в мае 1879 года, Ф. М. Достоевский закончил величайшее свое произведение — “Легенду о Великом Инквизиторе”. По сложности, ответственности и значительности темы, по исключительному своеобразию ее трактовки, по художественной убедительности и философской глубине, “Легенда” не имеет равного себе произведения не только в русской, но и в мировой литературе. Гений Достоевского проявился в этом его создании с исключительной силой.

Едва ли современники Достоевского в должной мере оценили созданное им. “Легенда о Великом Инквизиторе”, говоря вульгарно, была “не по зубам” тогдашнему обществу. Художественная критика тех дней довольно равнодушно прошла мимо “Инквизитора” и тех религиозных идей, которые в нем были заложены. Подавляющему большинству тогдашних читателей идеи эти не только были чужды и непонятны, но и враждебны, ибо позитивизм царил тогда безраздельно и в России и в Европе. Несмотря на равнодушие и заатаенную враждебность к Достоевскому прогрессивных кругов русского общества (эта враждебность жива и по сей день), его великая нравственная сила его стихийная гениальность и его исключительная способность проникать в самые потаенные глубины человеческих душ — делали то, что русские люди тех дней, даже не понимая в полной мере значения Достоевского для России, душой и своим национальным инстинктом чуяли в нем русского гения.

В дни пушкинских торжеств, на которых Достоевский выступил со своей знаменитой речью, Россия сердцем приняла его и венчала его, в стихийном порыве, как своего гения. Это было не самом закате жизни Достоевского: ему оставалось тогда всего восемь месяцев жизни.

О своем воздействии на русские души Достоевский, описывая в письме к жене свое выступление, писал так: “Утром сегодня было чтение моей речи в Любителях, зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она... Я читал громко, с огнем. Все, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом... Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике; когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить”.

По рассказам участников этого собрания, после произнесенной Достоевским речи, слышались крики: “Вы наш святой, вы наш пророк! Вы гений, вы больше, чем гений!”

Зная истинное отношение к нему широких кругов русского общества и высоко ценя его, Достоевский отмечал, что литераторы и критики, относившиеся к нему предубежденно и пристрастно, не представляют собой настоящего общественного мнения. “Дневник Писателя”, выходящий в количестве шести тысяч экземпляров, расходился полностью в течение двух-трех дней. А, ведь, в книжках этого “Дневника” писались такие вещи, от которых, в полном непонимании и вражде, отворачивались все “передовые” люди тех времен, как отворачиваются они от них и поныне. Прогрессистам всех оттенков, конечно, были абсолютно чужды взгляды Достоевского, и, конечно, они

ра на земле. Не дружит, однако, с заключенным тот, кто обнимается с его тюремщиком. В этой подмене русского народа Хрущевым и коммунистической советчины — зерно большой опасности, одновременно угрожающей и русским, и американцам. Над затемнением этой опасности работают одновременно и неразборчивые публицисты, вроде Пирсона, и упорная советская пропаганда и, увы, ее русские зарубежные подголоски, число которых все растет.

С. Л. Войцеховский

только с насмешкой могли относиться к такому его слову: “Знает народ Христа — Бога своего, еще лучше нашего, хоть и не учился в школе. Знает, потому, что во много веков перенес много страданий и в горе своем всегда, с начала и до наших дней, слышал об этом Боге — Христе своем от святых своих”.

Идеи русского мессианизма, которые настойчиво развивались Достоевским на страницах “Дневника Писателя” — были вовсе чужды русскому образованному обществу тех дней, и, несмотря на это и на явную враждебность прогрессивных кругов к ним, книжки “Дневника Писателя” мгновенно распродавались. Это, и то, что Достоевский был буквально завален письмами и откликами на его писания в “Дневнике”, убеждало Достоевского в том, что его идеи и мысли находят самый сочувственный отклик в сердцах рядовых русских людей, еще не зараженных интеллигентскими идеями.

Конечно, “Великого Инквизитора”, рассуждения Ивана Карамазова и других героев произведений Достоевского о вещах первостепенной важности, о коих всегда размышляли русские люди, понимали очень немногие. Уже значительно позже, когда материалистическое миропонимание было значительно подорвано, — идеи Достоевского стали встречать сочувствие в наиболее чутких русских душах. О “Легенде о Великом Инквизиторе” тогда и была написана замечательная книга В. В. Розановым, человеком, во многих отношениях духовно близким к Достоевскому. В восьмидесятых же годах прошлого века, пожалуй только единицы оценили в полной мере то, что сейчас признано величайшими достижениями русского духа. К числу таких немногих людей принадлежал никто иной, как знаменитый обер-прокурор Святейшего Синода, К. П. Победоносцев, человек ослабленный левыми кругами, как гаситель всего светлого, как “мракобес”, обскурант и источник всего реакционного. Кстати, сказать, левая печать называла иногда Победоносцева “русским Торквемадой”, имея в виду подчеркнуть этим ту бездушность, духовную сухость и мрачный фанатизм, которые, якобы, отличали, ненавистного ей обер-прокурора. На деле, конечно, Победоносцев никаким обскурантом, фанатиком и бездушным человеком не был, а, наоборот, был человеком высоких духовных качеств, что и подтверждается в высокой степени, его духовной близостью с великим Достоевским.

Первая их встреча произошла в 1874 году, когда Достоевский редактировал “Гражданин”. Для знакомства с писателем, Победоносцев приехал в редакцию этого журнала, и, не застав Достоевского, просил, чтобы тот навестил его на дому. О своем первом посещении Победоносцева, Достоевский так писал своей жене: “Все говорил, много сообщил и просил опять сегодня приехать. Если же буду болен, то дать ему знать и он сам придет ко мне сидеть. Укутал меня пледом и, так как, кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз со свечой в руках до самого подъезда”.

Возникшая между этими двумя выдающимися людьми близость — носила сердечный и теплый характер. Что-то большое и значительное объединяло их. После смерти Достоевского, вспоминая годы своей близости с ним, Победоносцев, явно растроганно, писал вдове покойного, Анне Григорьевне: “А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам вечером на беседу — и, как теперь, помню, как бывало, одушевляясь и бега по комнате, рассказывал он главы “Карамазовых”, которых писал тогда”.

В своих письмах к Победоносцеву, Достоевский, видимо продолжая те беседы, которые он вел по субботам, в тишине пустой обер-прокурорской квартиры, неизменно делился с ним теми идеями и мыслями, которые он положил и в основу “Инквизитора” и в основу “Карамазовых” в целом. “Легенду об Инквизиторе” Достоевский считал “кульминационной точкой” романа. “Со страхом и трепетом” готови-

лись им опровержения богохульств Ивана Карамазова. "Богохульство это я взял, — пишет он в одном из писем к Победоносцеву, — как сам чувствовал и понимал сильнее, т. е. так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, т. е. научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались им во все прошлое столетие и в первую половину нынешнего), зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его. Вот в этом только современная цивилизация и находится ахинею. Таким образом, льщу себя надеждой, что даже в такой отвлеченной теме не изменит реализму".

Прочтя "Великого Инквизитора", Победоносцев писал: "Ваш Великий Инквизитор произвел на меня сильное впечатление. Мало что читал столь сильное. Только я ждал, откуда отпор, возражение и разьяснение, но еще не дождался". Из Эмса, 24 августа 1879 года, Достоевский ответил так: "...Ответа на всю эту отрицательную сторону я и предположил быть вот этой 6-ой книге "Русский иннок", которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле — будет ли она достаточным ответом? Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положенные прежде выраженные (в "Великом Инквизиторе" и прежде) по пунктам, а косвенный".

Последние взгляды Достоевского последних лет его жизни, в том виде, в каком они им излагались в "Дневнике Писателя", встречали полное одобрение и сочувствие у Победоносцева. Он не раз давал Достоевскому темы и материал для его журнала. 2-го февраля 1877 года, Победоносцев писал: "Только что прочитав его (январский номер), спешу благодарить вас за прекрасные статьи — все хороши, особенно, что вы рассуждаете о штунде, да и о Фоме Данилове (унтер-офицер турецкого батальона, замученный чипчаками за несогласие принять магометанство. Г. М.). Здравствуйтесь и радуйтесь".

С каждым годом, соединявшая Достоевского и Победоносцева дружба де-

далась теснее. С помощью своего влиятельно друга, Достоевский стал входить в самые высшие круги. Государь Александр Николаевич поручил ему духовное руководство своими младшими сыновьями, великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами. Он становится близким к наследнику, будущему Императору Александру III и к его жене Великой Княгине Марии Федоровне. В декабре 1880 года он лично поднес им экземпляр "Братьев Карамазовых". После того, как Вел. Княгиня Мария Федоровна присутствовала, в доме гр. Менгден, на чтении Достоевским его романа, он был приглашен в Анничков Лворец. Об этом посещении рассказывают: "Он (Достоевский) говорил первый, встал, когда нашел, что разговор длится достаточно долго и, протрившись с цесаревной и ее супругом, оставил дворцовый зал, как гостиную своих друзей. Великий Князь не был этим шокирован". Достоевский сблизился и с Вел. Князем Константином Николаевичем и вел беседы с его сыновьями: с будущим поэтом К. Р. и Дмитрием Константиновичем.

Живя летом 1879 года в Эмсе, куда он поехал лечиться, Достоевский часто писал Победоносцеву, жалуясь ему на свое одиночество, на обуравшую его тоску, и на свои тревоги по поводу будущности своих детей. 9-го августа, он писал: "Я здесь лежу и бесперывно думаю о том, что уж, разумеется, я скоро умру, ну через год или через два, и что же станется с тремя золотыми для меня головками после меня? Впрочем, я здесь и вообще в самом мрачном расположении духа..."

Тревоги о "золотых головках" были напрасны: после смерти Достоевского, Победоносцев стал опекуном его детей.

Так было: два больших русских человека, убежденных, искренних и объединенных общим служением самым главным русским идеалам, жили в тесной дружбе и в духовной близости. Дружба эта отличалась чертами глубокой человечности и чертами неподдельной сердечности. Неприятного для левых русских кругов факта большой близости и общности идей Достоевского и Победоносцева — поколебать или поставить под сомнение невозможно. Эта близость и эта общность — фак-

К. Николаев

Трагический карнавал

МУЗЫКАЛЬНО-БАЛЕТНАЯ УВЕРТЮРА

Всякое оперное представление нуждается в хорошей увертюре. Она подготавливает слушателей, надлежало бы настраивает и подготовленный слушатель достойно встречает произведение искусства.

Так было и с предполагаемым приездом Хрущева в качестве выдающегося, как по своим прошлым громким криминальным деяниям, так и по его современному положению "первого мирового тенора" с сильным, но мало приятным голосом.

Увертюрой занялся некий импрессионист Юрок, русского происхождения, прекрасно говорящий по-английски и не забывший русского языка. Переговоры с тенором не требовали переводчика.

В апреле месяце 1958 года в САСШ прибыл ансамбль Игоря Моисеева. 16-го апреля в распространенной газете в Нью Йорке была помещена такая рецензия:

"Первое выступление ансамбля Моисеева сделало для американо-советского сближения бесспорно гораздо больше, чем все предполагаемые конференции на высшем уровне. Моисеев взял Нью Йорк штурмом, покорила публику необычайным динамизмом своих танцоров, их молодостью, технической виртуозностью, чувством выдумки, красочностью юмора".

"Элегантная публика, среди которой были все знаменитости Нью Йорка, после первого же номера забыла несколько напыщенную торжествен-

ты неоспоримые. А, раз это так, не является ли сплошным вымыслом клевета о Победоносцеве, так ловко внушенная для обмана русских поколений и истории ненавистниками той России, которую чтли и защищали и Достоевский и Победоносцев?"

Г. Месняев

ность обстановки и устроила советским танцорам овацию, которую вряд ли слышали когда-нибудь стены "Метрополитэн опера".

Думаем, слышали, когда пел Ф. Шаляпин.

Затем:

"Аншлаг: только пять недель от 4-го ноября по 6-ое декабря 1958 г. первый раз в Америке — "БЕРЕЗКА".

Представление не столь импозантное как ансамбль Моисеева, но все же впечатление яркое.

Наконец, 16-го апреля 1959 года, премьеры Балета Большого Театра.

"Триумф Большого Театра в Нью Йорке, — пишет тот же рецензент.

— Можно не сомневаться: вечер открытия балета Большого Театра в "Метрополитэн опера" войдет в историю американского театра... Счастливицы получившие чудом билеты на открытие (заплатены большие деньги по 100 и 150 дол.) не были разочарованы — они увидели грандиозный спектакль не только на сцене, но и в самом театре".

Знаменитый "тенор", в ожидании своего триумфа, был в восторге.

Наконец, спектакль "Русского фестиваля", закончившийся 23-го августа с. г. в огромном помещении Медисон Гарден: 200 артистов и симфонический оркестр в полном составе с участием всего, что только есть в театральной жизни столицы СССР.

Не жалели ни денег, ни артистов.

Талантливых русских танцоров и балерин, певцов и певиц опытный пастух выслал в Америку, под надзором подпасков, для прославления величия советской власти и засвидетельствования пред американцами характера богатой, счастливой и полной искусства жизни в СССР.

Америка потрясена и остаток сомнений в неустойчивости жизни советских людей, лишенных элементарных прав свободного развития — испарилась.

Увертюра стоила американской публике громадных денег. И большого на-

Александра Воронцова

по черноморскому побережью

15. НОВЫЙ АФОН — ПОРУГАННЫЙ МОНАСТЫРЬ. СТОЛИЦА АБХАЗИИ — СУХУМИ.

Тяжелое впечатление произвело не только на меня, но и на моих верующих спутников посещение поруганного большевиками монастыря на Новом Афоне. Только бестактностью советских организаторов нашей поездки можно объяснить желание показать религиозным итальянцам ликвидированный большевистскими безбожниками молодой, но, видимо, процветавший монастырь, расположенный на берегу моря и частью на возвышающейся над побережьем горе.

Уже с моря мы видели идущие к монастырю аллеи величественных насажденных трудолюбивыми монахами кипарисов; в середине между этими вечно зелеными кипарисами виднелось издали серебряное пятно — это серебрились листья оливковой рощи, а над ней поднималось величественное белое здание прежнего монастыря, обращенного, после захвата большевиками Грузии в 1921 г., в санаторий для научных работников столиц. Церковь сохранилась, но купол сбит в ярости против веры Божьей; внутрь нас не пустили, а повели мимо этого здания по построенному монахами шоссе на Иверскую гору, откуда открывается дивный вид на побережье вплоть до Сухумского маяка.

На этой горе был храм, построенный монахами на развалинах древнего христианского храма. Нам пояснили, что здесь совершалось богослужение и сюда ходили крестным ходом из монастыря; в покрывающем гору лесу были построены монахами разрушенные теперь скиты, от которых остались лишь кучки камней. Гид показал нам развалины древней крепости и акрополя. Он сказал, что монастырь был построен в 1898 г. и создал большое хозяйство: в роще и сейчас растут апельсины, лимоны, мандарины; нам показали разводимые еще в пору монастыря растения: фейхою и авокадо,

которые дают вкусные и питательные плоды.

Здесь еще раз мои спутники увидели, что большевики ничего нового не создали, но зато хорошо, что они убедились в лживости большевистских и социалистических рассказов о праздном житье монахов; здесь в непривычном для русских монахов субтропическом климате они сумели создать образцовое хозяйство, как создали его по свидетельству многих писателей и в приполярных условиях Соловков, на Валааме и во многих монастырях России, бывших не только культурными центрами, но и показательными передовыми хозяйствами много лучше современных совхозов.

Вернувшись на теплоход к вечеру после посещения также совхоза Псырца, мы поехали в Сухуми, куда прибыли поздно вечером.

На утро мы увидели замкнутый Кодорским и Сухумским мысами порт; утром пока еще мы завтракали, новый гид нам рассказал, что здесь в древности был порт Диоскурия еще за тысячу лет до Рождества Христова; это была Колхиды, куда Язон отправился за золотым руном; там обитали племена абазгов и апсулов, от смешения которых произошли абхазцы; в IV веке после Рождества Христова они создали сильное Лазское царство; но богатства края привлекали спокон веку завоевателей: греков, за ними римлян, арабов, византийцев; завоевав Абхазию в XVII веке, турки обратили ее христианский народ в ислам. При Александре I побережье было занято русскими войсками после присоединения Грузии к России и тогда Сухум стал торговым портом. После революции здесь три года хозяйничали грузинские меньшевики, а 4-го марта 1921 года власть перешла к большевикам, оккупировавшим всю Грузию; при этом Ревком провозгласил Абхазскую советскую социалистическую республику, которая по приказу из Москвы, по инициативе Сталина, стала автономной частью Грузии.

При этом город получил абхазское окончание имени: "Сухуми".

Когда мы вышли на берег, нам показали около порта развалины древней крепости X века Цхуми, построенной грузинским царем Багротом III; затем, пройдя по улице Челюскинцев, мы дошли до другой построенной Багротом IV крепости, называемой "Замок Баграта". Этот замок лучше сохранился; он стоит на площадке, обрывающейся к берегу реки Беслети. Отсюда нам показали растительный перед нами город, утопающий в зелени садов и аллей.

Прямо от набережной начинается проспект Руставели, который открыт лишь для пешеходов. По нему мы прошли в парк, где стоит бюст грузинского древнего поэта. В ботанич. саду нам показали бассейн, в котором имеется редкая коллекция водяных растений: голубая кувшинка, водяные маки и знаменитая "викторния-регия", которая цветет в августе всего полтора дня; листья этого удивительного цветка диаметром в 2 метра выдерживают груз в 50 килограмм, как нам сказали. Очень оригинален индийский лотос; его зеленые листья плавают по поверхности бассейна, а, погружившись в воду, становятся серебряными; затем нам показали аллею кактусов-великанов до 4 метров высоты, лаковое дерево, золотистые бамбуки и другие редкие деревья.

После парка Руставели и Ботанического сада нас повели по улице Ленина к красивому зданию вокзала имени Бараташвили; рядом с Ботаническим садом мы посетили Абхазский Государственный Музей имени основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулия, который издал впервые в 1892 г. абхазскую азбуку.

На проспекте Руставели мы увидели драматический театр в грузинском стиле, открытый в 1952 г. и красивую полукруглую по форме 4-этажную гостиницу "Абхазия", построенную в 1937 г.

За недостатком времени, ибо день склонялся уже к вечеру, мы не смогли посетить Сухумскую гору, на вершину которой ведет широкая лестница из базальтового камня, построенная три года тому назад; раньше поднимались

в Институт по узкой тропинке среди заросших кустарников ежевики.

Издали нам показали высокую гору Трапедия, на вершине которой виднеются белые здания Медико-биологической станции Академии Медицинских Наук СССР имени Ив. П. Павлова, основанной в 1927 году со знаменитым обезьянним питомником, где на площади в 20 гектаров, огороженной высокой сеткой, живут на воле несколько сот обезьян, жизнь которых изучается таким образом в естественных условиях; говоря о высоком научном значении производящихся над ними опытов, гид рассказывал, что в первые годы в целях установления по дарвиновской теории близости между человеком и обезьянами несколько научных сотрудников добровольно вызвались сожительствовать с обезьянами, но потомства от комсомолок и обезьян не получалось; он это говорил вполне серьезно и на протесты моих спутников утверждал, что в этих строго научных опытах нет ничего аморального, как в разных других опытах пересадки желез или всприскивании полученных от животных вакцин; он даже добавил, что советская наука потому и идет вперед, что не считается с установленной религиозной моралью, препятствующей свободе научного исследования.

Оставляя на его советских этот рассказ о неудачных опытах Сухумского питомника, могу добавить, что наши экскурсанты пожалели, что не смогли побывать на этой медико-биологической станции и самим при моей помощи побеседовать с ее научными руководителями.

Я забыла упомянуть, что Ботанический сад был открыт еще при императоре Николае I в 1841 г. и потому и здесь большевики не являются творцами самого интересного для нас Сухумского учреждения. Не упоминаю о казенных — все в одном и том же стиле — зданиях ЦК Абхазской компартии, Верховного Совета Абхазии и совета министров, которые все находятся на ул. Ленина.

Вернувшись на теплоход, мы покинули Сухуми, направляясь в Потю.

Александра Воронцова

пряжения при выражении своих восторгов.

Вскользь заметим, что русская эмиграция, которая нашла в Америке свое спасение от выдачи на растерзание Сталину и его преданному и ближайшему помощнику Хрущеву, забыла прошлое, забыла тот ужас, в котором находилась в Германии перед открытой пастью большевистских удавов, и понеслась тоже слушать исполнителей увертюры, стояла перед разбойным гимном советской орды, не давая себе отчета в том, что это значит. Теперь она начинает понимать, ЧТО это значит. Но это особая, скорбная тема, мы возвратимся к ней позднее.

Можно ли было во дни исполнения увертюры говорить, что это опасная вещь, что она отвлекает внимание американцев от грозившей опасности, что это просто недостойно свободных людей. Нет — говорить нельзя было. Помилуйте, — возражали, — это свидетельство гениальности русского народа и к политике никакого отношения не имеет. Вы посмотрите, чего достигла советская власть и всего в течение сорока лет, прибавьте к этому «спутников», полеты на луну и проч.

Хрущев обошел американцев и так просто.

Но вернемся к прошлому, к исторической правде России.

Наш изумительный народ от самого своего появления на исторической сцене — поет и танцует, и как поет и как танцует. Сейчас народ придавлен и может сказать — «нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет» — не до песен ему, раздетому и оборванному колхознику.

Есть такой рассказ. Когда Великий Князь Владимир взял греческую колонию Корсунь — (Севастополь), то потребовал в жены греческую порфирородную принцессу Анну. Анна заявила, что за язычника не пойдет. Кн. Владимир крестился.

Греки были народом образованным и знали все рассказы Геродота о скифах, о странах Гиперборейских и вообще о таинственной стране варваров. Бабы, все эти мамушки и нянюшки, сгорая от любопытства и в ужасе от судьбы принцессы, заглянули поверх стены в нижнюю часть города, где проживала свита кн. Владимира. К своей радости увидели красивых стройных юношей, в белых с золотой каймой одеждах, с золотыми кудрями, голубоглазых. Играют на волынках и домрах и поют и танцуют. Пришли и сказали принцессе — поезжай милая, там веселее, чем у нас. В Киеве, действительно, было весело и при Владимире и при нас, тысячу лет спустя. Эти качества народа

и послужили основанием русского балета, созданного русскими царями, любившими и понимавшими красоту танца.

Императорский балет был славою России.

Вспомним Пушкина:
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет...
(«Евгений Онегин»)

Это было гораздо раньше, чем Уланова танцевала в Нью Йорке.

На императорской сцене танцевали иностранки такие, как Мария Тальони и вообще Петербург манил иностранцев.

С 1874 года знаменитый Мариус Петипа на долгие годы стал самодержцем балета и балет достиг мировых вершин.

А вот что произошло, когда Дягилев привез русский балет и оперу в Париж.

«Об ослепительном блеске Дягилевского «Русского балета» (и оперных постановках с Шалайниным) первых заграничных сезонов, о триумфах русской музыки и декорационной русской живописи не может быть двух мнений. Париж был сразу ошеломлен, побежден, охвачен восторгом. Французский критик Луи Жилле, вспоминая эти сезоны (1909-1912), восклицает: «Шехерезада, «Князь Игорь», «Жар-Птица», «Лебединое озеро», «Призрак Розы». Событие, внезапность, шквал, что-то вроде землетрясения. Не могу иначе выразить: моя жизнь раскололась на две части: до и после Дягилева. Изменилось все представление наше, все мысли наши об искусстве. Мы прозрели».

(Сергей Маковский)

То, что произошло в Америке — отблеск славы — но не СССР и не Хрущева.

Это слава свободной, Императорской России.

Нужно прибавить, что после гастролей «Большого балета» в Лондоне в 1956 году тонкий наблюдатель Георгий Адамович писал:

«В московском балете мало поэзии и, вероятно, Малларме, страстный балетоман, вышел бы из Ковент-Гарденского зала хмурый и недовольный. Все — технически безупречно, но в замысле чуть, чуть плоско, слишком похоже на «жизнь». Несомненно, обшние советские влияния отразились и на балете, да и как он мог против

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

ТРИ ДОКЛАДА
Общество Св. Владимира по приглашению с группами Российско-Национально-Трудового Союза и Союза Борьбы за Свободу России устраивает три доклада
М. Ф. КОВАЛЕВА
на темы:
1. — Воскресенье 25 октября 1959 г.
СЛУЧАЙ ПАСТЕРНАКА
(Политическая интерпретация книги «Доктор Живаго»).
2. — Воскресенье 15 ноября 1959 г.
ЖИВЫЕ СИЛЫ РОССИИ
(Что происходит на нашей Родине)
3. — Воскресенье 22 ноября 1959 г.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИССИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(Есть ли она? В чем заключается? Исполнима ли? Исполним ли?)
Доклад состоится в Доме Русских Белых Эмигрантов,
Карлос Кальво 2851
Начало ровно в 5 час. 15 мин. вечера
Вход свободный

Каждое **ВОСКРЕСЕНЬЕ** от 20 до 20.30 ч.
слушайте
РУССКУЮ ПЕРЕДАЧУ
по **RADIO PORTEÑA — LS4**

СЕДЬМАЯ ПО СЧЕТУ
АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ВЫСТАВКА
«СОРОК ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»
в салоне
Partido Democrático Conserv. Popular
Corrientes 938
Открыта ежедневно от 9 до 21 час.

EL INSTITUTO CULTURAL ARGENTINO-RUSO ANTICOMUNISTA
УСТРАИВАЕТ
в годовщину **Октябрьской революции**
в пятницу, 6 ноября с. г., в 17 часов
ТОРЖЕСТВЕННОЕ
ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ
в зале **Colegio San Salvador (Callao 542)**

них устоять. Исчезло волшебство, исчезло то, что нельзя переложить на язык логический и внятный, иррациональность, что ли. Исчезло все ускользающее от рассудочного анализа, и артисты как будто тем и озабочены, что бы в целом не оставалось и следа какой-либо тайны».

БАЛЕТНАЯ СТУДИЯ
МАШИ ПАВЛОВОЙ
В субботу, 31 сего октября в зале **CONSEJO DE MUJERES** состоится ежегодный отчетный **СПЕКТАКЛЬ - БАЛЕТ**
Начало в 16.30 час.
Билеты — у М. Павловой-Ловцовой, а в день спектакля — в кассе.

Доктор медицины
А. Ю. БОГОЛЮБСКИЙ
Mendoza 4949/2/H — Т. Е. 52-2083
VILLA URQUIZA
(три квартала от станции)
ПРИЕМ
по вторникам, четвергам и субботам
от 16.00 до 18.00 час.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. **PISAREDICH de HORNBAIN**
Д-р медицины
с дипломом 2-х университетов:
Бухарестского и Розарио
(говорит по-русски)
Лечение и удаление зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. Е. 88-3605

ТИРАЖ «НАШЕЙ СТРАНЫ» ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

Как бы там ни было, но увертюра была сыграна, достигла большого успеха и на мировой сцене Америки появился «великий» Хрущев.

Можно заплакать.
И надо плакать.

К. Николаев

и этим объясняется то, что он берегу Синюхи.

В разведку с Макеевым, веркилометрах в семи впереди шинен понтонный мост. К понтонселочная, по которой движется

к понтонному мосту, на другой только куривших человек. Лювидны были только огненные поближе, прислушались, говопонять было нельзя и кто это, и не удалось установить.

сказать, — говорил Филин, жадко светать начало, глядим по ста. В каждой телеге по два ты сидят. У кого винтовки, у телегам коровы, козы попривямет! Партизаны или РОНА, ниошел по понтонному мосту на немецкая часть тоже на телегах ст. Ну, думаю, теперь узнаем, тизаны, они сразу немцев из произошло такое, что ничего партизаны, чи с бригады Камин-

валяй дурака, — прикрикнул придуриваться.

лейтенант, — слизывая сахарин. — Не пойму, да и все, кто не понимает. Даром, что весь

было дальше?

к мосту, немецкий лейтенант ами не пускать подводы, что

раньше подошли. Тут к немцу подбежал тоже лейтенант в немецкой форме, обложил первого лейтенанта по-русски. Потом, как дал немецкому лейтенанту, другому, по морде, тот сразу упал. Тут еще двое подбежало, катали немецкого лейтенанта в пыли, пинали ногами.

— Ну, а дальше-то что?

— А дальше немец, конечно, встал. Тут светать начало. Солдаты ему мундир отряхнули... Обоз с бабами опять через мост пошел. Как только все прошли, только тогда немцы через мост поехали. А те, которые мост охраняли, в кустах у них три пушки стояло, вслед немцам свистеть начали, кричали. «Нема яйца, нема гусь. Досвиданья Беларусь». Вот вы и рассудите сами, кто это. Партизаны или из РОНЫ.

— Из РОНЫ, я тебе чорту сто раз докладывал, — сказал сердито Макеев, лежавший на земле под кустом волчьих ягод.

— Из РОНЫ! Отчего ж они так немецкого лейтенанта по пыли, как чурку катали.

— За дело и катали. Чего вперед хозяев лезет. И тебе так доведись, тоже бы катал, — сказал Макеев оглядываясь на лежавшего в нескольких шагах Гофмана. Гофман лежал накрывшись шинелью и нельзя было понять то ли он спит, или только делает вид, что спит...

XIX

Понтонный мост, как оказалось, охранял батальон РОНА. Вдоль берега в кустах расположился батальон автоматчиков. В ивовых кустах была замаскирована батарея. В березовой роще вдоль шоссе стояло четыре танка и два броневика. И броневики и танки были советские, только вместо красной звезды на них белой краской был нарисован Георгиевский крест и под Георгиевским крестом было написано крупными буквами: «РОНА».

Командир батальона автоматчиков, высокий сухощавый украинец по фамилии Никитенко, когда Николаев его спросил, за что он катал немецкого капитана по пыли, рассмеялся и сказал:

— А пусть поперед батьки в пекло не лезет. Мы мост строили? Мы! Наши ребята его семь месяцев от партизан охраняли?

Наши! А он без памяти в свой Дейчланд тикает, а туда же вперед нашего обоза лезет. Я его покатаю маленько по шоссе, так он успокоится.

— А что, от Каминского не попадет? Ведь немецкий капитан ему, наверное, нажалуется.

— А нехай жалуется. Дурак будет, коли пожалуется. Ладно, если Каминский в хорошем духе будет. А ежели в плохом, так сам еще добавит. Сам, конечно, не станет, а шепотком скажет, чтобы из штанов Фрица вытряхнули. И вытряхнут, чтобы понимал, что не на Москву, а от Москвы идет.

— Не любят. значит и у вас тоже Фрицев?

— А за что их любить? Надоели за три года хуже, чем большевики за тридцать. Какая болячка лучше, не разберешь! И своя хорошая, и европейская не лучше. Вот ежели с нами поедете, так увидите как наши ребята Фрицев жалуют. А у вас ведь тоже один Фриц есть?

— Есть. бывший командир батальона.

— А какого ляха вы с ним путаетесь по лесам? Дайте ему карту ихнего генерального штаба и пусть до Германии лесами идет, как знает. В другой раз не захотят в Россию лезть, сволочи. Что, пес, как и все?

— Нет! Хороший! На редкость немчура. Он сам против Гитлера.

— Ну, это дело другое. бывают такие, только редко.

Николаев всегда легко сходящийся с людьми, быстро подружился и с Никитенко. Никитенко велел накормить всех членов отряда «Смерть Сталину» супом из полевой кухни, приказал выдать по буханке хлеба и две банки мясных консервов. Николаева и Темникова Никитенко позвал в свой шалашик позавтракать. Гофмана звать не стал.

Угостив Николаева и Темникова самогоном и жареной рыбой, добытой гранатами, Никитенко, посмеиваясь, рассказал про случай, который произошел два дня назад, когда последние части РОНА оставляли Дятлово, столицу своего лесного государства.

Дневник наблюдателя

В ДУХЕ СОВРЕМЕННОСТИ

За прошедшую неделю ничего замечательного не случилось. Настроения "Кэмп Дэвид" распространяются все шире и отражаются сообщениями о приближении "вершинной конференции". Дата ее еще не названа, как не названо и ее место, но факт, что она произойдет уже не вызывает сомнения ни у кого.

О способах осуществления этой конференции переговариваются вершители судеб мировой политики западного лагеря. Слышатся отдельные комментарии и заданный тон гласит: "О радость! Будет вершинная конференция! Она откроет дорогу к настоящему миру во всем мире!" Даже те, кто не вполне разделяет этих восторгов, не смеет говорить о предстоящей конференции в тоне критическом, и наиболее сдержанные голоса ограничивают свои восторги прогнозами в роде того, что предстоящая вершинная конференция откроет путь к дальнейшим конференциям, в результате которых откроется дорога к началу более близкого взаимопонимания, а это взаимопонимание постепенно приведет к надежде на ликвидацию Холодной войны... если тем временем не случится... и т. д. и т. п.

При всей дружелюбности Хрущева к Америке, ибо после визита в "Кэмп Дэвид" он воспылал нежной дружбой к Америке, американцам и лично к Эйзенхауэру, итак, при всей дружелюбности Хрущева к Америке приходится замечать, что он в речах все же упоминает о существовании нехороших людей в Америке, которые заинтересованы в продолжении Холодной войны.

Не эти ли "нехорошие люди" выступили в Америке брошюру, доказывающую, что Хрущев — убийца, что по его приказу совершались коллективизация, раскулачивание, был организован голод на Украине, велась массовая расстрелы и т. д. Эйзенхауэр уже мог почувствовать, что Хрущев был не столько гостем Америки и ее народа, сколько личным гостем Президента Эйзен-

Вышел из печати VII том ИСТОРИИ РУССКОГО МАСОНСТВА ("Пушкин и масонство". "Когда диавол выступил без маски в мир")

Цена 2.25 доллара

Отдельное издание — "Пушкин и масонство" — Цена 2.25 доллара.

Заказы направлять: М. Tamarzeff Casilla de Correo No. 4 Villa Ballester, FGBM, Argentina

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСЬ"

предлагает следующие свои и чужие издания:

История русского масонства (т.т. I-VI) — 17 дол. с пересылкой. ● В. Иванов. Тайны масонства — 0.75 дол. ● Антисоветские анекдоты — 0.25 дол. ● Б. Башилов. Миф о русском "сверхимпериализме" — 0.75 дол. ● Б. Башилов. Враг масонов № 1 (Масоно-интеллигентские мифы о Импе. Николае I) — 2.25 дол. ● Лукин. Масонство в русском скаутизме — 0.50 дол. ● Б. Башилов Почему Импе. Николай I запретил в России масонство? Русская Европа к началу царствования Импе. Николая I — 1 дол. ● Б. Башилов. Тихая империя и его время, — 1 дол. ● Б. Башилов. Робеспьер на троне (Исторические результаты совершенной Импе. Петром I революции) — 2 дол. ● Б. Башилов. Русская Европа (Россия при первых преименках Петра I) — 1 дол. ● Б. Башилов. "Златой" век Екатерины II — 2 дол. ● Б. Башилов. Рыцарь времен протекших (Имп. Павел I и масоны) — 1.25 дол. ● Б. Башилов. Импе. Александр I и его время (Масонство в царствование Импе. Александра I) — 2.25 дол. ● Б. Башилов. Масоны и заговор декабристов — 1.25 дол. ● Б. Башилов. Незаслуженная слава (Антинациональная роль русской интеллигенции) — 1.50 дол. и многие другие книги.

Высылка книг во все страны.

Заказы и письма направлять по адресу: М. Tamarzeff, Casilla Correo No 4, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.

хауэра. Американцы не одобрили акции своего Президента.

Нельзя тут же не упомянуть и о голоде на Украине, как о том говорится в упомянутой брошюре. Этот термин широко используется сторонниками идеи, якобы злые русские со своим Сталиным организовали голод на Украине, чтобы подавить свободолюбивых украинцев и подчинить их рабству русского империализма, изобретавшего коммунизм в целях империалистического порабощения всего мира.

Надо помнить и отчетливо повторять и заявлять, что когда говорят о "голоде на Украине", то надо иметь в виду голод господствовавший по лицу всей земли русской из-за сталинских пятилеток. Верно, что на Украине голод приобрел наиболее страшные формы, но... В годы того периода, который именуется "голодом на Украине", голодала вся Россия. В области Коми крестьяне ели кору с деревьев. В Воронеже Введенская церковь была отведена под склад трупов людей, каждую ночь подбираемых на улицах. В Москве подавляющая часть населения, кроме 400 гр. хлеба в день, не получала ничего. Перечень относящихся к вопросу фактов можно продолжить.

Почему же говорить о "голоде на Украине"?

Как бы то ни было один из организаторов этого всероссийского голода, "дорогой Никита Сергеевич" сейчас принят, как деятель мира во всем мире. Ему жмут руки, и английский премьер Мак Миллан все никак не успокоится от радости, что он первый придумал такой чудный способ прекращения Холодной войны: поклониться Хрущеву и будет мир! Не правда ли просто?

Настроения "Кэмп Дэвид" отражаются и в Лаосе, где комиссия ООН установила, что никакого вторжения красных китайцев там не было.

Что касается унтер-офицерской вдовы... Впрочем, об унтер-офицерской вдове — это из другой области.

Обозреватели, выступающие в крупных органах печати, обращают внимание и на то, что дебаты в ООН по поводу событий в Тибете обещают привести к такому же цинизму, которым кончилось расследование дела о вмешательстве большевиков в восстание в Венгрии. Поговорят, пошумят (а может быть и шуметь не будут), подошьют дело в папку и перейдут к следующим темам...

Обозреватели отмечают это, как настроения современности, стоящей под знаком "Кэмп Дэвид". Мир любой ценой! Если нужны унижения — унижениями; если нужно кровопролитие — пусть. Если для дела мира нужно ложь представить в виде правды, то надо итти и на это. И идут.

А дело мира от этого ни на шаг вперед. Говоря о мире, Хрущев очень мил и любезен, но он не забывает и своих целей. Он ждет, что вершинная конференция даст ему и Германию, и Берлин, и торговлю со всем миром. Берлинское шило, стало быть, в свое время из мешка и выпрет. Тогда будет видно.

Сейчас Никита Сергеевич нашел прекрасное решение проблемы торговли между СССР и Западно-демократическими странами. Он готов итти на чрезвычайные большие расходы в этой торговле, покупая на Западе очень много разных товаров. Количество покупаемых товаров он ставит в прямую связь с кредитом, которого он ждет и просит то у Америки, то даже у Италии. Словом, — коммунистическая система не обеспечивает финансовой стороны советской торговли. Органы западной печати не высмеивают, к сожалению, этого провала коммунистической системы, а только толкуют о спутниках. Может быть, это тоже в духе "Кэмп Дэвид"?.. Уж не до того ли дойдет, что ради мира Западные демократии закупают СССР своими товарами бесплатно?..

Все хотят мира, ибо боятся войны. Атомная, де, война это чуть не конец света. Но так думают не все. Очень характерно, что в газете прошло мнение А. Ф. Керенского. Мало понятные его замечания в интервью в смысле оценки визита Хрущева заканчиваются вопросом журналиста: "Возможна ли война с применением водородных бомб?" и ответом Керенского: "Нет. Ни даже по случайности".

Действительно, людей настолько учили к мысли о неизбежности применения атомного оружия, что забывается самая возможность этого применения. Александр Федорович высказал мысль вполне правильную: в предстоящей войне атомное оружие применяться не будет.

Иракскому царевичу Керим Кассему — хуже. Из Москвы отправлено несколько врачей, чтобы вылечить его.

Айзенхауэру исполнилось 69 лет. Умер генерал Маршалл.

В ООН идут разговоры, в которых СССР настаивает на принятии в ООН Красного Китая. При выборах в Совет Безопасности потерпела фиаско кандидатура Красной Польши.

В Аргентине руководящие деятели аргентинской экономики заявляют, что наиболее трудный период остается уже позади. Аргентина обеспечена широчайшими кредитами, что открывает дорогу строительству и расширению производства. Эти круги обещают, что вскоре цены начнут снижаться, но на практике это пока что еще не подтверждается.

Архиепископ Антонио Пласа заявил, что вина за поджоги храмов в июне 1955 года падает на масонов. До сих пор было известно, что поджоги эти делались по приказу правительства низвергнутого диктатора Перона. В ответ на обвинение, Великая Ложа Свободных и Принятых Масонов, руководящая деятельностью всего аргентинского масонства, опубликовала протест, требуя от "гражданина Антонио Пласа" отчета и обвиняя его в клевете. В Конгрессе Архиепископа Антонио обвиняют в симпатиях к перонистам. Для суждения о деятельности архиепископа Антонио Пласа в ноябре должен быть созван съезд всего аргентинского епископата. Текст протеста Великой Ложи, исходящего от великого мастера, опубликован во всех органах печати. Остается надеяться, что отмечаемое столкновение не вызовет взрыва страстей.

Подвергся нападению убийц политический деятель Миттеран. Его спасло только то, что он сумел "оторваться" от преследовавшего его автомобиля, выпрыгнуть из своей машины и скрыться. Обстрелу подвергся уже пустой автомобиль.

В Турции установлены площадки для запуска атомных снарядов. По этому поводу советская печать обрушивается на турецкого премьер-министра Аднана Мендереса. Его упрекают в том, что он настроен против советских мирных предложений.

Аппарат, названный советскими учеными "Лунником III", идет по орбите, которая была намечена.

Наблюдатель

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА "НАША СТРАНА" И КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА" В БУЭНОСАЙРЕСЕ

продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуьес, 3541);

в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте.

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

"ЦАРЕВНА ЛЯГУШКА" 1-го ноября с. г. в 16 час. 10 мин.

CASAL DE CATALUÑA

Chacabuco 863 Capital

Билеты по телефону: 32-0350 — А. Баумгартен

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины: из расчета 1 дол. — 40 песо арг.

Марциенко Юрий Дионисевич, бывший в 1944 году в Югославской армии, разыскивается по просьбе матери. Лиц, знающих что-либо о его местопребывании, покорно просят звонить от 9 до 13 часов по тел. 33-2274 или 34-6151, или обращаться письменно по адресу:

SERVICIO SOCIAL INTERNACIONAL Paseo Colón 255, planta baja, Bs. Aires

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Días, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave. 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q.-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией В. С. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 5 песо; САЩ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 cruz.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САЩ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 cruz.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.